

Е.В. Агарин

Антивоенные выступления в журналах толстовцев 1916–1918 гг.

Антимилитаризм в той или иной его форме стал спутником большинства, если не всех наиболее длительных и кровавых войн Нового времени; Первая мировая война, в свою очередь, стала и первой войной, накануне и в годы которой антимилитаристское движение получило столь широкое распространение и обрело международный статус. В рамках нашей темы только обратим внимание на то, что военная апология насилия во имя физического уничтожения других людей, ставших по прихоти истории врагами, наиболее явно вступает в противоречие с некоторыми принципами религий или, по крайней мере, этики. В России накануне и во время Первой мировой войны подобный диссонанс весьма остро и болезненно был пережит теми людьми, чьи религиозно-этические убеждения претендовали на наибольшую последовательность. Среди таких людей скромное место занимали и последователи учения Л.Н. Толстого – толстовцы, в периодических изданиях которых в 1916–1918 гг. указанное выше противоречие становилось лейтмотивом.

Философское учение Толстого было близко пантеизму и в основе своей имело созданную мыслителем, своеобразную интерпретацию христианства как этической системы, очищенной от мистического элемента. Опираясь непосредственно на Евангелие, Л.Н. Толстой отрицал значение таинств, обрядов, священнослужителей, церкви вообще, как посредника между богом и людьми; верил в духовное единство всех людей, как детей одного отца, независимо от их народности или вероучения; видел в братской любви ту силу, которая способна разрушить границы государств и превратить человечество в дружную семью. [Толстой, 2011, с. 13–86]. Фи-

лософия Л.Н. Толстого имела много составных элементов, иногда даже вступающих друг с другом в противоречие. Но к 1914–1918 гг. именно религиозный, а не этический или социальный аспект его философии становится ведущим в восприятии его последователей. С.Г. Петров отметил эту тенденцию развития толстовства: после 1905 г. «все большее влияние стали приобретать круги, рассматривавшие толстовство как религию» [Петров, 1989, с. 174]; к периоду Первой мировой войны этот процесс уже достиг результатов. Толстовство чаще воспринимается своими последователями как религиозное учение [Ернефельт, 1917, с. 8; Булгаков, 1917, с. 7]. Важной, если не главной заповедью толстовской религии был тезис о непротавлении злу насиллием, что подразумевало полный и безусловный отказ от применения насилия в любых ситуациях и от пассивного участия в таковом. Сам по себе толстовский пацифизм простирается далеко за пределы антимилитаризма и пронизывает все сферы социальных отношений. Вполне естественно поэтому, что толстовцы, агитируя в своей печати против Первой мировой войны, выступали и против феномена войны вообще. Но вместе с тем их антивоенные публикации не представляли собой пресные религиозно-сектантские апелляции к священным текстам или авторитетам; напротив, толстовцы зафиксировали здесь свое необычное восприятие сложной политической ситуации 1916–1918 гг. Рассмотреть это восприятие в его связи с постоянно менявшейся обстановкой тех лет является нашей задачей.

Не лишним будет отметить, что большинство толстовцев вовсе не были сторонними наблюдателями кровавой драмы 1914–1918 гг., оставившими свой след в антимилитаристском движении только в виде ряда антивоенных публикаций. Как только война была развязана, толстовцы откликнулись антивоенными воззваниями [Наблюдение за последователями, 1910; Наблюдение за деятельностью, 1910]. За подписание и распространение этих документов некоторые последователи мыслителя были арестованы царским правительством и судимы на так называемом процессе 28-ми толстовцев, окончательно завершившемся только летом 1916 г. освобождением из заключения большинства подсудимых [Булгаков, 1922; Сухотина-Толстая, 1984, с. 481–484]. Еще больш-

шее число толстовцев по своим убеждениям отказывалось идти в армию и непосредственно участвовать в боине либо проходить альтернативную службу; эти толстовцы подвергались гонениям со стороны сначала самодержавия, потом Временного правительства, наконец, Совета народных комиссаров [Списки лиц, 1919; Списки лиц, 1927–28]. В этом смысле толстовский антимилитаризм был в полной мере выстрадан в борьбе за убеждения, а не являлся рафинированным теоретико-публицистическим продуктом.

Первый толстовский журнал «Единение» выходит во второй половине 1916 г. в Москве на средства наиболее деятельного и убежденного толстовца В.Г. Черткова; в этом году вышло три номера «Единения». Ситуация внутри страны едва ли располагала к ведению антивоенной пропаганды в печати; тем более что многие толстовцы недавно были освобождены из-под стражи после указанного выше процесса 28-ми. Вероятно, поэтому сначала толстовцы в журнале высказываются о войне мало, преимущественно аккуратными намеками в связи с раскрытием других, основных тем своих статей. Во втором номере журнала так поступают Х. Досев в обширной работе о воспитании [Досев, 1916, с. 33], В. Булгаков в некрологе толстовцу Рафаилу Буткевичу, отказавшемуся в 1914 г. от военной службы [Булгаков, 1916, с. 91]. В третьем номере И. Горбунов-Посадов высказывает более определенное суждение о войне: «Пока народы молятся перед алтарями каждый своего отдельного Бога, а не перед алтарем Истинного Единого Отца всех, до тех пор будут распри и борьба народов и кровавые их столкновения» [Горбунов-Посадов, 1916, с. 26]. Там же и П.И. Бирюков в статье о вегетарианском конгрессе отмечает органическую связь капиталистического устройства и происходящей войны: «...все ужасы войны суть только проявление инстинктов, которые были воспитаны в людях капиталистическим устройством» [Бирюков, 1916, с. 65]. До конца февраля 1917 г. в свет вышел только еще один, четвертый выпуск «Единения», но интересных нам антивоенных выступлений журнал не содержал.

Февральская революция и последовавшие за ней события, вероятно, отодвинули на второй план или сделали затруднительным для толстовцев издание журнала. Следующий его номер, обо-

значенный как первый в 1917 г., вышел только в июне. Всего же в период между двумя революциями 1917 г. вышло четыре номера, два последних были изданы уже под обновленным названием журнала – «Голос Толстого и Единение». К моменту возобновления издания общественно-политическая ситуация уже существенно изменилась. Интерес представляют следующие события общей истории России: во-первых, провозглашение Временным правительством ряда свобод, в том числе и свободы слова; во-вторых, нежелание новой власти немедленно завершить войну, нашедшее отражение в апрельской ноте П.Н. Милюкова о продолжении действий на фронте до победного конца; в-третьих, ощутимый рост антимилитаристских настроений и на фронте, и в российском обществе в целом.

Свобода печати позволила толстовцам намного активнее, чем прежде, публиковать призывы против войны, теперь ни одно антимилитаристское происшествие не оставалось в их журналах без внимания. В то же время надежда на прекращение войны Временным правительством после апреля 1917 г. продолжает все более слабеть. Недовольство новой властью начинает в журнале периодически проступать. «Важнейшее в настоящую минуту для русского народа проявление свободы – право неучастия в ныне свирепствующей войне – с самого начала не было допущено нашим “демократическим” правительством» [Чертков, 1917а, с. 8]. «Чем дальше затягивается война, тем яснее становится вопрос и зарождается недоверие к правящим кругам... безразлично, кто бы ни был у кормила правления, да и как тут верить, когда не осуществляются желания народа» [Обмен мыслей, 1917б, с. 15]. Наибольшее негодование в толстовской печати вызвало восстановление Временным правительством смертной казни на фронте и учреждение военно-полевых судов в июле 1917 г. «Разве можно требовать, чтобы свобода охранялась...людьми, лишенными основного права живого существа – права на жизнь?» [Шохор-Троцкий, 1917, с. 11]. «Прошло всего три месяца, и вот уже снова, к стыду и негодованию, России восстановлен этот отвратительный вид братоубийства» [Чертков, 1917а, с. 8].

Интересно, что толстовцы, предпочитавшие все же чаще называть себя анархистами, хотя и с оговорками о своем особом, хри-

стианском понимании сути анархизма, действительно возлагали надежды на прекращение войны на существующую власть, оставив в стороне свое непримиримое отрицание государства. Помимо вышеописанного, эти надежды выразились, например, в обращении толстовца С. Белинского «К участникам Государственного Собрания» [Белинский, 1917, с. 11]. В нем автор подчеркивает, что демократическая власть неуклонно теряет доверие из-за нерешенности вопроса о войне, предлагает своеобразную программу ведения переговоров с Германией и с союзниками по Антанте; он отмечает при этом, что мир следует заключить непременно, даже ценой самых непомерных уступок и в ущерб Российскому государству, потому что «народ менее дорожит свободой и государством, чем правом заниматься мирным трудом» [Там же, с. 11]. Разочарование демократической властью постепенно дополняется надеждой на иную политическую силу, которая способна положить конец войне, – на социал-демократов. Эта надежда отчетливо проступила в статье В. Крашенинникова, который уже в июне обратился с пожеланием мира не к Временному правительству, а непосредственно к социал-демократам [Крашенинников, 1917, с. 10]. Рост симпатий к большевикам выразился, например, и в случаях цитирования их газет на страницах «Единения» [Чертков, 1917б, с. 9; Обзор печати, 1917, с. 12]. Вполне вероятно, что неуклонный рост влияния большевистской партии между революциями толстовцы отчетливо ощущали, ведь меньшевиков, эсеров и др. они вовсе не удостаивали такого внимания.

Рост же антимилитаристских настроений вызвал в толстовской печати не столь однозначную реакцию, как могло бы казаться. Естественно, что учащавшиеся случаи братаний на фронте и отказов воевать вызывали у толстовцев практически эйфорию неизбежно приближавшегося, действительно народного, а не узко политического мира с противником. Так, В.Г. Чертков в статье «О прекращении войны» рассматривает случаи братания с неприятелем на фронте как проявление неуклонного роста внутреннего сознания русского народа, который уже превысил уровень «кулачной расправы» и выходит из состояния военного гипноза [Чертков, 1917б, с. 4]. Страницы журналов периода между двумя революци-

ями 1917 г. пестрят самыми разнообразными сведениями об антимилитаристских воззваниях, резолюциях и объявлениях, сообщениями об отказах от военной службы в России и за рубежом. В то же самое время давала о себе знать и абсолютность толстовского пацифизма. Характерный взгляд выразил в своем письме в редакцию один из ее корреспондентов: «Относительно войны, мне кажется, нам следует всегда иметь в виду, что протестовать против нее можно только с точки зрения греха всякого убийства и насилия вообще... Все крики “Долой войну” по соображениям экономическим, политическим, социалистическим и всяким другим имеют столько же оснований, как и крик “война до победного конца” – по тем же основаниям» [Обмен мыслей, 1917а, с. 14]. Обратной стороной такого максимализма уже тогда становился пессимизм. В качестве причины войны в толстовских статьях, как правило, неизбежно рассматривается повреждение нравов, которое не проходит по-прежнему. Например: «Война есть неизбежное следствие беззаконной, греховной жизни и отдельных людей, и целых народов, так как современный мир, по духу жизни своей антихристианский, языческий, хотя и называется христианским. Войны неизбежны и в будущем» [Конашевич, 1917, с. 6].

Приход к власти большевистской партии в октябре 1917 г. и очередная смена общественно-политической ситуации в России в этот раз едва ли способствовали кардинальному повороту в тематике антивоенных публикаций толстовцев. В период после 25 октября и до заключения Брестского мира вышли еще два номера журнала «Голос Толстого и Единение» в 1917 г. Следующий, первый выпуск в 1918 г. вышел с задержкой, в апреле, но содержал последние отклики толстовцев о миновавшей войне. Кроме того, в конце 1917 г. начал выходить и другой толстовский журнал – «Обновление жизни», но он был посвящен преимущественно философским размышлениям и не содержал столь явных антимилитаристских призывов.

Этот период толстовских антивоенных выступлений прошел под знаком все более возрастающего пессимизма. Прежде всего, сравнительная насильственность и жестокость октябрьской смены власти бесповоротно пресекли начавшие проявляться летом

1917 г. симпатии со стороны толстовцев к рабочей партии [Новиков, 1917, с. 9; Медведков, 1917, с. 12]. Естественно, что тому же содействовали и многочисленные обстоятельства идеологического характера. Перемирие с Германией, последовавшее за декретом о мире, как это ни странно, не вызвало значимого отклика в толстовских журналах. По-видимому, это можно объяснить, во-первых, продолжавшимся еще около четырех месяцев ожиданием мира и окончательного выхода России из войны и, во-вторых, другими, куда более трагичными событиями – постепенным началом Гражданской войны.

Осмелимся предположить, что толстовцы могли ощущать теперь ошибочность обозначенного тезиса Черткова о резком росте сознания русских, проявлявшемся в усилении антивоенных настроений. Антимилитаризм был им преждевременно принят за пацифизм – и теперь тот же народ развязывал войну гражданскую. Подобное наблюдение сделал в журнале К. Конашевич: «Теперь в России среди солдат и рабочих создается течение против войны. Это потому, что те и другие сознали, что продолжение войны выгодно богатым классам, а они только жертвы приносят. А коснись интересов тех же рабочих и солдат, и они готовы лить и чужую, и свою кровь» [Конашевич, 1917, с. 11]. Драматичная смена одной войны другой давала, видимо, плодородную почву все более отчаянному пессимизму толстовцев, который начинает чаще отражаться в их письмах в редакцию журнала в конце 1917 г.: «Мы, очевидно, не выпили всей чаши до дна, а мечтам о наступлении полного мира, по-видимому, еще не скоро суждено осуществиться... Переменились декорации и вывески, а служение осталось прежнее, и способы и приемы тоже» [К.И., 1917, с. 18]. Видимо, не вполне разделяли толстовцы и надежд на создание международной организации «Лига наций» для дальнейшего урегулирования конфликтов. По поводу этой идеи мирового сообщества высказалась редакция журнала: «Трудно согласиться, чтобы можно было создать такой орган, который насильем и принуждением заставил бы людей отворотиться от насилия» [Из печати, 1918, с. 14].

Тема Гражданской войны в течение нескольких зимних месяцев 1917–1918 гг. успешно вытеснила антивоенные призывы

со страниц журнала. Погруженностью толстовцев в отчаянные попытки остановить своими призывами очередную «братоубийственную бойню» объясняется, видимо, и их невнимательность к долгожданному миру в Бресте и к выходу России из войны. Однако последний интересующий нас выпуск журнала – первый номер 1918 г. – содержит, пожалуй, наиболее эффектный и характерный пример толстовской антивоенной пропаганды. На первую страницу издания была помещена картина одного из западных журналов «Расстрел Христа воюющими народами». У стены, приговоренный к расстрелу, одиноко стоит Иисус Христос, грустно и решительно смотрящий вперед на выстроенную напротив него шеренгу солдат. Они уже направили ружья в его сторону и должны вот-вот произвести выстрелы. Каждый из них одет в свою военную форму – английскую, французскую, германскую, русскую и т. д. Солдат так много, что их строй уходит за горизонт. В составленном И. Горбуновым-Посадовым тексте к картине есть приговор Христу, который зачитывается перед расстрелом одним из офицеров. Согласно ему Иисус признается виновным в «преступном подстрекательстве к отказу от военной службы и от участия в войне <...>, к измене государству и родине, к бунту и мятежу» [Горбунов-Посадов, 1918, с. 4]. Этой аллегорией, своеобразно подводящей итог выступлениям толстовцев против войны, мы и завершим наш обзор их антимилитаристских публикаций в 1916–1918 гг.

Итак, антивоенная тема в толстовских журналах этого периода прошла несколько этапов развития, непосредственно связанных со сменой общественно-политической обстановки в стране, и, несмотря на заключение мира в Бресте, завершилась в итоге на более или менее пессимистической ноте: будущее России, да и всего мира вызывало опасение у толстовцев. Увы, этим опасениям предстоит сбыться, и XX век станет самым кровавым столетием в истории; а христианские народы не раз еще соберутся вместе и казнят Иисуса Христа, если мы последуем метафоре той картины. С другой стороны, толстовцы активно содействовали развитию антимилитаристского движения и поэтому с полным правом могут быть рассмотрены как одни из предшественников антимилитаризма наших дней. Ведь и сегодня в гуманистических принципах

пах общества или же в идеологии ненасильственного разрешения конфликтов вполне можно найти явное сходство с пацифистскими идеями толстовцев.

Литература

- Бирюков П.* Вегетарианский социальный конгресс на Монтэ-Верита // Единение. М., 1916. № 3. С. 65–70.
- Белинский С.* Участникам Государственного Совещания // Голос Толстого и Единение. М., 1917. № 3. С. 11.
- Булгаков В. Р.А.* Буткевич // Единение. М., 1916. № 2. С. 91–92.
- Булгаков В.* Толстой, как религиозный учитель // Обновление жизни. М., 1917. № 2. С. 6–8.
- Булгаков В.Ф.* Опомнитесь, люди-братья! История воззвания единомышленников Л.Н. Толстого против мировой войны 1914–1918 гг. М., 1922.
- Горбунов-Посадов И.* Из записной книжки // Единение. М., 1916. № 3. С. 25–34.
- Горбунов-Посадов И.* Расстрел Христа воюющими народами // Голос Толстого и Единение. М., 1918. № 1. С. 4.
- Наблюдение за последователями Л.Н. Толстого, о толстовцах, отказавшихся от военной службы и т. д. 1910 (ГАРФ. Ф. ДП-ОО. Оп. 240. Д. 123).
- Наблюдение за деятельностью последователей Л.Н. Толстого («толстовцев»). 1910 (ГАРФ. Ф. ДП-ОО. Оп. 240. Д. 123 прод.).
- Досев Х.* Религия, воспитание и образование // Единение. М., 1916. № 2. С. 25–38.
- Ернефельт А.* Толстой // Голос Толстого и Единение. М., 1917. № 3. С. 7–8.
- Из печати // Голос Толстого и Единение. М., 1918. № 1. С. 14–15.
- К.И.* Священная война // Голос Толстого и Единение. М., 1917. № 6. С. 18.
- Крашенинников К.* О прочном мире: Обращение к социалистам // Единение. М., 1917. № 1. С. 10–11.
- Конашевич К.* Признаем друг в друге брата // Голос Толстого и Единение. М., 1917. № 4. С. 6–7.
- Медведков В.* Восстание в Москве (встречи и переживания) // Голос Толстого и Единение. М., № 5. С. 12.

- Новиков М.* Две свободы: ложная и истинная // Голос Толстого и Единение. М., 1917. № 5. С. 8–11.
- Обмен мыслей // Единение. М., 1917а. № 2. С. 14–15.
- Обмен мыслей // Единение. М., 1917б. № 4. С. 13–15.
- Обзор печати // Голос Толстого и Единение. М., 1917. № 3. С. 12–13.
- Петров С.Г.* Толстовство и средние слои: (К постановке вопроса) // Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989. С. 171–178.
- Списки лиц, отказавшихся от военной службы при царском и временном правительствах. 1919 (ОР РГБ. Ф. 435. К. 81. Ед.хр. 2).
- Списки лиц (единомышленников Л.Н. Толстого), отказавшихся от военной службы и отбывающих наказание за свои религиозные убеждения. 1927–1928 (ОР РГБ. Ф. 435. К. 81. Ед.хр. 2.).
- Сухотина-Толстая Т.Л.* Дневник. М., 1984.
- Толстой Л.Н.* Путь жизни. М., 2011.
- Чертков В.* О смертной казни // Голос Толстого и Единение. М., 1917а. № 3. С. 8–9.
- Чертков В.* О прекращении войны // Голос Толстого и Единение. М., 1917б. № 2. С. 7–9.
- Шохор-Троцкий К.* Голос о смертной казни // Единение. М., 1917. № 2. С. 11.